

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА

РУССКАЯ ГРАММАТИКА

ТОМ

I

ФОНЕТИКА
ФОНОЛОГИЯ
УДАРЕНИЕ
ИНТОНАЦИЯ
СЛОВООБРАЗОВАНИЕ
МОРФОЛОГИЯ

«Русская грамматика» содержит описание грамматического и звукового строя современного русского литературного языка. Книга построена на материалах, извлеченных из разнообразных по жанрам письменных источников, а также на материалах разговорной литературной речи. Научное описание языковых явлений сопровождается нормативными и стилистическими характеристиками.

«Русская грамматика» состоит из двух томов: т. I — «Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Введение в морфемику. Словообразование. Морфология»; т. II — «Синтаксис». Т. I открывается общими для всей «Грамматики» «Предисловием» и «Введением». В т. I все необходимые акцентные и морфонологические характеристики слов и форм включены в разделы «Словообразование» и «Морфология». Основные разделы внутри томов сопровождаются списками специальной литературы. Каждый том снабжен предметным указателем.

Редакционная коллегия:

доктор филологических наук Н. Ю. ШВЕДОВА
(главный редактор),
доктор филологических наук Н. Д. АРУТЮНОВА,
доктор филологических наук А. В. БОНДАРКО,
доктор филологических наук Вал. Вас. ИВАНОВ,
доктор филологических наук В. В. ЛОПАТИН,
доктор филологических наук И. С. УЛУХАНОВ,
член-корреспондент АН СССР Ф. П. ФИЛИН

Рецензенты т. I:

доктор филологических наук Ю. С. МАСЛОВ,
доктор филологических наук Д. Н. ШМЕЛЕВ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА

РУССКАЯ ГРАММАТИКА

ТОМ

I

ФОНЕТИКА
ФОНОЛОГИЯ
УДАРЕНИЕ
ИНТОНАЦИЯ
СЛОВООБРАЗОВАНИЕ
МОРФОЛОГИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО • НАУКА •

Москва • 1980

«Русская грамматика» содержит описание грамматического и звукового строя современного русского литературного языка. Книга построена на материалах, извлеченных из разнообразных по жанрам письменных источников, а также на материалах разговорной литературной речи. Научное описание языковых явлений сопровождается нормативными и стилистическими характеристиками.

«Русская грамматика» состоит из двух томов: т. I — «Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Введение в морфемику. Словообразование. Морфология»; т. II — «Синтаксис». Т. I открывается общими для всей «Грамматики» «Предисловием» и «Введением». В т. I все необходимые акцентные и морфонологические характеристики слов и форм включены в разделы «Словообразование» и «Морфология». Основные разделы внутри томов сопровождаются списками специальной литературы. Каждый том снабжен предметным указателем.

Редакционная коллегия:

доктор филологических наук Н. Ю. ШВЕДОВА
(главный редактор),
доктор филологических наук Н. Д. АРУТЮНОВА,
доктор филологических наук А. В. БОНДАРКО,
доктор филологических наук Вал. Вас. ИВАНОВ,
доктор филологических наук В. В. ЛОПАТИН,
доктор филологических наук И. С. УЛУХАНОВ,
член-корреспондент АН СССР Ф. П. ФИЛИН

Рецензенты т. I:

доктор филологических наук Ю. С. МАСЛОВ,
доктор филологических наук Д. Н. ШМЕЛЕВ

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Русская грамматика» ставит своей целью дать описание современного состояния грамматического строя русского литературного языка — его морфемики, словообразования, морфологии и синтаксиса. В «Грамматику» включено также описание русской фонетики, фонологии, ударения и интонации: содержащиеся здесь сведения необходимы в разделах, посвященных морфологии, словообразованию и синтаксису.

Последней по времени полной академической грамматикой была «Грамматика русского языка» (т. I — под ред. акад. В. В. Виноградова, чл.-корр. АН СССР Е. С. Истриной и чл.-корр. АН СССР С. Г. Бархударова, т. II — под ред. акад. В. В. Виноградова и чл.-корр. АН СССР Е. С. Истриной), вышедшая в 1952 — 1954 гг. и переизданная без каких-либо существенных изменений в 1960 г. Эта грамматика, сыгравшая большую роль в изучении русского языка, в своих конкретных главах подводила итоги тому, что было сделано в русской грамматической науке в предшествующие десятилетия. Со времени выхода первого тома этой книги прошло двадцать пять лет. За этот период были накоплены новые, богатые материалы и, следовательно, обогатились наши сведения о языке; грамматическая теория также значительно продвинулась вперед; произошли определенные изменения в сфере языковых норм. Все это сделало актуальной задачу подготовки и издания новой академической грамматики. Одним из этапов этой подготовки явилось издание «Грамматики современного русского литературного языка» (М., «Наука», 1970) — книги, которая ставила прежде всего теоретические задачи, не претендовала на полноту описания и была предназначена прежде всего для специалистов.

Издаваемая сейчас «Русская грамматика» является описательной и нормативной. Она ставит своей задачей совместить научное описание грамматического строя современного русского литературного языка с нормативными рекомендациями и оценками. Таким образом, попытки решения теоретических вопросов и научная систематизация фактов соединяются здесь с задачами нормативными: книга содержит сведения о том, какие возможности словообразования, формы слов, их акцентные харак-

теристики, синтаксические конструкции являются для современного состояния русского литературного языка единственно правильными и какие — вариативными (допускаемыми в употреблении наряду с другими, равнозначными или близкими по значениям). С решением нормативных задач связано введение во все разделы «Русской грамматики» стилистических и других специализирующих характеристик. Таким образом, эта книга обращена одновременно как к широкому кругу читателей, которые интересуются русским языком или стремятся к углублению своих знаний о нем, так и к специалистам-языковедам.

Совмещением в «Русской грамматике» двух названных задач объясняется то, что эта книга не могла быть освобождена от современной специальной грамматической терминологии: язык «Русской грамматики» является языком научным. Однако авторы стремились двойным образом облегчить для неспециалистов чтение этой книги: во-первых, везде, где это возможно, изложение было упрощено и освобождено от узкоспециальных терминов; во-вторых, все термины, употребляемые в книге, при первом их введении объясняются. В освоении лингвистических терминов читателю-неспециалисту помогут помещенные в конце каждого тома подробные предметные указатели.

Грамматический строй русского языка изучен неравномерно. Поэтому перед авторами «Русской грамматики» во многих случаях вставали задачи большой исследовательской работы. В своих построениях, в формулировках правил, в стилистических характеристиках авторы опирались на разнообразные материалы; специально обследовались следующие источники: художественная литература — современная и классическая; общественно-политическая, публицистическая литература; статьи и речи общественных и политических деятелей; научная и научно-популярная литература; мемуары, дневники, произведения эпистолярного жанра; газеты и журналы; современная русская речь, звучащая в театре, кино, по радио и телевидению; живая разговорная речь, записывавшаяся как самими авторами, так и собранная и отраженная в специальных лингвистических исследованиях; разнообразные сло-

вари русского языка. В разделе «Словообразование», кроме всех перечисленных источников, использованы материалы большой «Словарной картотеки современного русского литературного языка» и «Картотеки новых слов» словарного сектора Института русского языка АН СССР. Естественно также, что авторы широко пользовались материалами и выводами других исследователей: грамматиками, монографическими описаниями разных сторон грамматического и звукового строя русского языка; статьями и исследованиями, посвященными отдельным грамматическим явлениям. Такое использование необходимо предполагается как самим жанром грамматики, так и задачами самих лингвистических исследований: изучение отдельных фактов языка и отдельных его сторон, решения тех или иных теоретических вопросов естественно предполагают дальнейшее обобщение, включение соответствующих результатов в целостное описание, обращенное к широким кругам читателей. Жанр нормативно-описательной грамматики не позволил ее авторам прибегать к подстрочной библиографии, к ссылкам на работы других языковедов непосредственно в ходе изложения. Однако все основные разделы книги снабжены списками специальной литературы. В эти списки вошли прежде всего монографии и те публикации немонографического характера, которые определили собою направ-

ления дальнейших исследований. По условиям места в «Библиографию» не могли быть включены статьи и диссертационные работы; однако это не значит, что результаты, полученные их авторами, не были изучены и приняты во внимание при написании соответствующих глав «Русской грамматики».

Авторы книги в меру своих сил стремились сохранить традиции русских научных описательных грамматик: теоретический подход к материалу, непуристическое отношение к норме, внимание к стилистическим характеристикам, к связям грамматики и лексики. Трудность задачи усугублялась разнородностью развиваемых в последние десятилетия лингвистических теорий и методов, неумолкающими спорами по самым основным, концептуальным вопросам грамматики и языкознания в целом.

То, что «Грамматика» создавалась не одним автором, а целым научным коллективом, несомненно, наложило на книгу свой отпечаток. Однако на современном этапе развития науки о грамматическом строе русского языка полное описание всех сторон этого строя вряд ли может быть осуществлено одним лингвистом.

Авторы понимают всю ответственность, которую они берут на себя, выпуская в свет новую русскую академическую грамматику. Они с благодарностью примут все критические замечания и поправки.

Авторы первого тома:

Н. С. Авилова — «Морфологические категории глагола»; «Категория вида» (кроме § 1437—1454); «Категория залога и разряды переходных и непереходных глаголов»; *А. В. Бондарко* — «Глагол. Общая характеристика»; «Употребление видов» (§ 1437—1454); «Категория времени»; «Взаимные связи морфологических категорий глагола»; *Е. А. Брызгунова* — «Интонация»; *С. Н. Дмитренко* — «Фонетика»; «Фонология»; сведения о чередовании в гл. «Основные понятия морфемики» (§ 180); «Альтернативные ряды фонем в формах существительных» (§ 1222—1231); «Альтернативные ряды фонем в именах прилагательных» (§ 1340—1341); «Соотношение формообразующих основ глагола» (§ 1575); «Альтернативные ряды фонем в глагольных формах» (§ 1596—1606); *И. Н. Кручинина* — раздел о союзных словах в гл. «Союзы и союзные слова» (§ 1684—1688); «Междометие»; *В. В. Лопатин* и *И. С. Улуханов* —

«Основные понятия морфемики» (кроме § 180); «Словообразование. Основные понятия»; *В. В. Лопатин* — «Словообразование имен существительных»; «Словообразование имен прилагательных»; «Словообразование наречий»; «Словообразовательная структура числительных, местоименных слов, экспрессивных частиц и междометий»; «Морфонологические явления в словообразовании» (§ 1041—1056, 1074—1107); *М. В. Ляпон* — раздел о союзах в гл. «Союзы и союзные слова» (§ 1669—1683); *В. А. Плотникова* — «Морфология. Введение»; «Имя существительное» (кроме § 1156—1172, 1222—1269); «Местоимение-существительное» (кроме § 1293); «Имя прилагательное» (кроме § 1340—1341, 1351—1365); «Имя числительное» (кроме § 1381—1383); «Морфологические категории глагола»: «Категория наклонения», «Категория лица», «Категория числа», «Категория рода»; «Словоизменение глагола» (кроме § 1575); «Атрибутивные формы глагола: прича-

ствия и деепричастия»; «Инфинитив»; «Наречие»; *М. С. Суханова* — «Основные сведения об ударении»; «Ударение существительных» (§ 1232—1269); «Ударение местоимений-существительных» (§ 1293); «Ударение прилагательных» (§ 1351—1365); «Ударение числительных»

(§ 1381—1383); «Ударение глаголов» (§ 1607—1644); *И. С. Улуханов* — «Словообразование глаголов»; «Морфонологические явления в словообразовании» (§ 1057—1073, 1108—1110); *Н. Ю. Шведова* — «Значения падежей» (§ 1156—1172); «Предлоги»; «Частицы».

ИСТОЧНИКИ

Как уже сказано, материалы для «Русской грамматики» извлекались из широкого и разнообразного круга источников. Ниже приводятся: списки словарей и справочных пособий; список писателей, а также авторов мемуаров, писем, дневников, чьи произведения специально обследовались для «Русской грамматики».

Этот второй список не является полным: в него не вошли имена авторов, произведения которых специально для «Русской грамматики» не обследовались. Имена авторов, не включенных в списки, в случаях их цитации в книге приводятся без сокращения и с указанием инициала.

СЛОВАРИ

Агеенко Ф. Л., Зарва М. В. Словарь ударений для работников радио и телевидения. Под ред. Д. Э. Розенталя. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1967.
Даль В. И. Пословицы русского народа. М., 1957.
Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. 3-е испр. и доп. изд. под ред. И. А. Бодуэна де Куртене. Т. 1—4. СПб.—М., 1903—1909; 4-е испр. и доп. изд. под ред. проф. И. А. Бодуэна де Куртене. Т. 1—4. СПб., 1912.
Единый перечень сквозных профессий рабочих. М., 1957.
Зализняк А. А. Грамматический словарь русского языка. Словоизменение. М., 1977.
Никонов В. А. Краткий топонимический словарь. М., 1966.
Новые слова и значения. Под ред. Н. З. Котеловой и Ю. С. Сорокина. М., 1971.
Обратный словарь русского языка. М., 1974.
Ожегов С. И. Словарь русского языка. 9-е изд., испр. и доп. Под ред. Н. Ю. Шведовой. М., 1972; 10-е изд. М., 1973; 11-е изд. М., 1975; 12-е изд. М., 1978.
Орфографический словарь русского языка. Под ред. С. Г. Бархударова, И. Ф. Протченко, Л. И. Скворцова. 13-е изд. М., 1974, 14-е изд. М., 1976; 15-е изд. М., 1978.

Петровский Н. А. Словарь русских личных имен. М., 1966.
Русское литературное произношение и ударение. Словарь-справочник. Под ред. Р. И. Аванесова и С. И. Ожегова. М., 1959.
Систематический словарь занятий. М., 1959.
Словарь иностранных слов. Под ред. И. В. Лехина и др. 6-е изд., перераб. и доп. М., 1964.
Словарь названий жителей СССР. Под ред. А. М. Бабинина и Е. А. Левашова. М., 1975.
Словарь русского языка. Т. 1—4. Под ред. А. П. Евгеньевой. М., Изд-во АН СССР, 1957—1961.
Словарь синонимов. Справочное пособие. Ред. А. П. Евгеньева. Л., 1975.
Словарь синонимов русского языка. Под ред. А. П. Евгеньевой. Т. 1—2. Л., 1970.
Словарь современного русского литературного языка. Т. 1—17. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1950—1965.
Словарь сокращений русского языка. Под ред. Б. Ф. Коричного. М., 1963; 2-е испр. и доп. изд. под ред. Д. И. Алексеева. М., 1977.
Толковый словарь русского языка. Под ред. Д. Н. Ушакова. Т. 1—4. М., 1934—1940.
Фразеологический словарь русского языка. Под ред. А. И. Молоткова. М., 1967; 2-е изд. М., 1968; 3-е изд. М., 1978.

СПРАВОЧНЫЕ ПОСОБИЯ

Трудности словоупотребления и варианты норм русского литературного языка. Словарь-справочник. Ред. К. С. Горбачевич. Л., 1973.
Розенталь Д. Э. и Теленкова М. А. Словарь трудностей русского языка. М., 1976.

Граудина Л. К., Ицкович В. А., Катлинская Л. П. Грамматическая правильность русской речи. Опыт частотно-стилистического словаря вариантов. Под ред. С. Г. Бархударова, И. Ф. Протченко, Л. И. Скворцова. М., 1976.

СПИСОК ПИСАТЕЛЕЙ И ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ ИХ ИМЕН

Ф. Абрамов (Абр.)	С. Гудзенко (Гудз.)	А. Межиров (Межир.)	К. Симонов (Симон.)
С. Аксаков (Акс.)	Н. Добролюбов (Добр.)	П. Мельников-Печерский (М.-Печ.)	Б. Слуцкий (Слуцк.)
М. Алексеев (Алекс.)	Ф. Достоевский (Дост.)	С. Михалков (Михалк.)	Я. Смеляков (Смел.)
А. Алексин	Ю. Друнина	Ю. Нагибин (Нагиб.)	С. Смирнов (С. Смирн.)
М. Алигер	М. Дудин	С. Наровчатов (Наровч.)	Л. Соболев (Собол.)
Л. Андреев (Андр.)	Е. Евтушенко (Евтуш.)	А. Недогонов (Недог.)	В. Соколов (Сокол.)
И. Андроников (Андрон.)	С. Есенин (Есен.)	Н. Некрасов (Некр.)	К. Станиславский (Станисл.)
И. Ашенинский (Ашн.)	А. Жаров	Н. Никитин (Никит.)	К. Сташук (Станюк.)
П. Автокольский (Авток.)	Б. Житков (Житк.)	Г. Николаева (Никол.)	А. Сурков (Сурк.)
С. Антонов (Ант.)	Н. Заболоцкий (Забол.)	П. Нилин	А. Тарковский (Тарк.)
А. Арбузов	С. Залыгин (Залыг.)	А. Новиков-Прибой (Нов.-Пр.)	Л. Татьяничева (Татьян.)
Н. Асеев	М. Зощенко (Зощ.)	Н. Носов	А. Твардовский (Твард.)
А. Афиногенов (Афиног.)	Вс. Иванов	В. Овечкин (Овечк.)	Н. Телешов (Телеш.)
В. Афонин	И. Ильф и Е. Петров (Ильф и Петр.)	Б. Окуджава (Окудж.)	В. Тендряков (Тендр.)
Б. Ахмадулина (Ахмад.)	М. Исаковский (Исак.)	Ю. Олеся	Н. Тихонов (Тих.)
А. Ахматова (Ахм.)	В. Каверин (Кавер.)	С. Островой (С. Остр.)	А. К. Толстой (А. К. Толст.)
Э. Багрицкий (Багр.)	Э. Казакевич	А. Островский (А. Остр.)	А. Н. Толстой (А. Н. Толст.)
П. Бажов	Ю. Казаков (Ю. Казак.)	Н. Островский (Н. Остр.)	Л. Толстой (Л. Толст.)
А. Барто	Р. Казакова (Р. Казак.)	Л. Ошанин	К. Тренев (Трен.)
Д. Бедный (Бедн.)	Л. Кассиль	П. Павленко (Павл.)	Ю. Трифонов (Триф.)
А. Безыменский (Безым.)	В. Катаев	В. Панова	Г. Троепольский (Троепол.)
О. Берггольц (Берг.)	В. Кетлинская (Кетл.)	Б. Пастернак (Пастерн.)	И. Тургенев (Тург.)
В. Белов	С. Кирсанов (Кирс.)	К. Паустовский (Пауст.)	В. Тушнова (Тушн.)
А. Белый	А. Кольцов (Кольц.)	В. Песков (Песк.)	Ю. Тынянов (Тып.)
В. Бианки	М. Кольцов (М. Кольц.)	А. Писемский (Писем.)	Ф. Тютчев (Тютч.)
А. Блок	В. Короленко (Корол.)	А. Платонов (Плат.)	Г. Успенский (Г. Усп.)
В. Боков	И. Крылов (Крыл.)	Н. Погодин (Погод.)	А. Фадеев (Фад.)
Ю. Бондарев (Бонд.)	М. Кульчицкий (Кульч.)	Б. Полевой (Полев.)	К. Федин (Фед.)
В. Брюсов (Брюс.)	С. Куняев	Н. Помяловский (Помял.)	А. Фет
М. Булгаков (Булг.)	А. Кузрин (Кузр.)	М. Пришвин (Пришв.)	Н. Фонаков (Фонак.)
И. Бунин	Б. Лавренев (Лавр.)	А. Прокофьев (Прок.)	Д. Фурманов (Фурм.)
В. Быков (Бык.)	В. Лебедев-Кумач (Леб.-Кум.)	А. Пушкин (Пушк.)	М. Цветаева (Цвет.)
К. Ваншенкин (Ванш.)	Л. Леонов (Леон.)	В. Распутин (Расп.)	А. Чаковский (Чак.)
Б. Васильев	М. Лермонтов (Лерм.)	А. Рекемчук (Рекемч.)	С. Чекмарев (Чекм.)
В. Вересаев (Верес.)	Н. Лесков (Леск.)	И. Репин	Н. Чернышевский (Черн.)
Е. Винокуров (Винокур.)	В. Лидин	В. Рождественский (В. Рожд.)	А. Чехов (Чех.)
В. Вишневский (Вишн.)	В. Липатов	Р. Рождественский (Р. Рожд.)	В. Чивилихин (Чивил.)
А. Вознесенский (Возн.)	В. Луговской (Луг.)	В. Розов	К. Чуковский (К. Чук.)
А. Гайдар	М. Луконин (Лукон.)	М. Румянцева (Румянц.)	Н. Чуковский (Н. Чук.)
В. Гаршин (Гарш.)	Н. Майоров	М. Салтыков-Щедрин (С.-Щ.)	Ф. Шаляпин (Шаляп.)
Ю. Герман	А. Макаренко (Макар.)	Д. Самойлов (Самойл.)	В. Шкловский (Шкл.)
А. Герцен (Герц.)	А. Малышкин (Малышк.)	С. Сартаков (Сарт.)	М. Шолохов (Шолох.)
В. Гиляровский (Гиляр.)	Д. Мамин-Сибиряк (М.-Сиб.)	А. Сахнин (Сахн.)	В. Шукшин (Шукш.)
Ф. Гладков (Гладк.)	О. Мандельштам (Мандельшт.)	М. Светлов (Светл.)	С. Щипачев (Щип.)
Н. Гоголь	Г. Марков (Марк.)	И. Сельвинский (Сельв.)	И. Эренбург (Эренб.)
И. Гончаров (Гонч.)	Л. Мартынов (Март.)	С. Сергеев-Ценский (С.-Ц.)	Ю. Яковлев (Яковл.)
М. Горький (Горьк.)	С. Маршак		А. Яшин
Н. Грибачев (Грибач.)	Н. Матвеева (Матв.)		
А. Грибоедов (Гриб.)	В. Маяковский (Маяк.)		
А. Грин	Д. Медведев (Медв.)		

ВВЕДЕНИЕ

I

Современный русский литературный язык — один из самых богатых языков мира, высокоразвитый национальный язык с давними письменными традициями и с разветвленной системой средств выражения. Он не только обслуживает все сферы национальной жизни русского народа, но и служит языком межнационального общения народов СССР. Роль русского языка в современном мире постоянно возрастает: как один из важнейших мировых языков, он несет народам идеи справедливости и прогресса во всех областях человеческой жизни.

Современный русский литературный язык представляет собой высшую форму общенационального русского языка. По сравнению с местными диалектами, просторечием, жаргонами, литературный язык характеризуется отработанностью своих средств, обязательными для его носителей исторически сложившимися нормами, большой функциональной и стилевой разветвленностью.

Русский литературный язык создан народом. В течение веков деятели русской народной культуры и просвещения отбирали и совершенствовали в языке все наиболее ценное и выразительное, хранили и умножали его богатства. Эта деятельность всегда опиралась на внутренние возможности самого языка, отражала и одновременно развивала и обогащала эти возможности. Языковые средства, правила их употребления регламентировались в соответствии с законами самого языка. В процессе развития русского литературного языка складывались и его нормы.

Хронологические границы современного русского литературного языка могут очерчиваться по-разному. В узком смысле слова современным следует считать язык, на котором мы говорим и пишем сейчас, т. е. язык второй половины XX столетия. Такое понимание синхронии имеет свои научные основания и — для краткой грамматики — определенные преимущества. Оно важно также для будущих описаний — как свидетельство состояния грамматической системы языка в определенный, именно данный момент его развития. Однако возможно и другое понимание. Эволюционный характер изменения грамматического строя, стабильность всех его

основных категорий, историчность нормы, сохранение и передача от одного поколения к другому лучших образцов литературной речи в классической и, шире, вообще в художественной литературе, — все это делает вполне правомерным и более широкое понимание хронологических границ современного русского литературного языка — от Пушкина до наших дней. Такое понимание принято в «Русской грамматике».

Разностороннее и разноаспектное изучение грамматического строя современного языка в названных широких границах убеждает в том, что этот строй не претерпел за последние полтора столетия таких существенных изменений, которые не позволяли бы привлекать лучшие письменные источники языка XIX в. для характеристики всех основных грамматических сторон русского литературного языка в его современном состоянии. Сказанное не означает, что со времен Пушкина как создателя неувядающих образцов классической русской литературной речи совсем не изменился грамматический строй нашего языка: он менялся и меняется постоянно. Однако эти изменения носят очень медленный и постепенный характер. Все основные черты грамматического строя языка, его основные категории обладают большой устойчивостью. Естественно, что явления, к настоящему времени утратившиеся, в описание современного состояния языка не включаются.

В том описании грамматического строя, которое ставит своей задачей хотя бы относительную полноту и неодноаспектность характеристик материала, установление широких хронологических границ современного языкового состояния обнаруживает целый ряд преимуществ перед более узким пониманием языковой синхронии. В то же время в этом описании весьма существенной и обязательной оказывается задача отграничения живых языковых явлений от того, что уходит из языка либо в процессе его развития приобретает особые функциональные или стилистические характеристики. Те широкие границы языковой современности, которые определены выше, могут быть приняты лишь при понимании языка как живой и постоянно развивающейся системы, а языковой синхронии — как синхронии, которая

сосредоточивает в себе явления и устаревающие, и новые, обогащающие эту систему и обеспечивающие ее поступательное движение.

II

Современный русский литературный язык представляет собою сложную систему, части которой находятся в отношениях постоянной и необходимой взаимосвязанности: один участок этой системы не существует без другого. Таковы звуковая организация языка, его лексика и его грамматика. Каждая из этих систем имеет свое собственное строение и свое членение, т. е. свои внутренние подсистемы.

Грамматический строй (грамматика языка) представляет собой единство нескольких систем, каждая из которых объединяет в себе грамматические средства, близкие по характеру формальной организации и отвлеченных значений, по функциям в языке, а также по характеру отношений как друг к другу, так и к единицам других подсистем грамматики. Такими частными системами внутри грамматики являются словообразование, морфология и синтаксис.

К словообразованию относятся строение производных (мотивированных) слов и образование слов по существующим отвлеченным образцам. Эти образцы созданы языком в опоре на лексико-грамматические качества основ слов и тех аффиксов, которые избирательно соединены и соединяются с этими основами. Структура производных слов и правила их образования определяются строгими и весьма сложными законами, обращенными, с одной стороны, к грамматике, с другой стороны, к лексике. В сферу словообразования входят словообразовательный тип как отвлеченный образец построения тех или иных слов; словообразовательный формант, представляющий собой чаще всего служебную морфему или совокупность таких морфем; слово как организованное единство производящей основы и форманта.

К морфологии относятся законы изменения слов как представителей грамматических классов — частей речи; сами эти классы и принадлежащие им морфологические категории; формы слов и системы этих форм с характерными для них морфемами; лексико-грамматические разряды внутри частей речи.

В синтаксис входят все явления связей слов и образования единиц, конструируемых на основе этих связей; законы строения простых и сложных предложений, правила их распространения и функционирования и правила вхождения предложения в текст.

Грамматическое описание предполагает выявление всех основных единиц словообразования, морфологии и синтаксиса и представление иерархически организованной системы этих единиц. Они рассматриваются в единстве формы и грамматического значения, во всем комплексе своих признаков и правил языкового поведения. Характеристика грамматических единиц строится начиная с их наиболее абстрактного вида, т. е. первично — в отвлечении от их частных свойств и модификаций, с последующим переходом к конкретным свойствам этих единиц, к исчислению всех их частных видов и языковых реализаций, связей и отношений.

Звуковая организация языка — его фонетика и фонология — своими единицами и правилами их сочетаемости обращена ко всем сторонам грамматического строя: образование слов подчиняется строгим звуковым законам, так же, как и звуковое строение и сочетаемость морфем (это — вся область морфонологии); правила динамического выделения слога — ударения сопровождают собою все словообразование и формообразование; в синтаксисе предложение как отдельная единица не функционирует вне интонационной конструкции, а внутри предложения (и шире — любого высказывания) средствами интонации осуществляется выделение его частей, главных с точки зрения задач информации.

Термины «грамматика», «словообразование», «морфология», «синтаксис», «фонетика», «фонология», «морфонология», «акцентология» традиционно употребляются в двух значениях: для обозначения соответствующей системы внутри языка и для обозначения науки об этой системе. Эта двузначность терминов сохраняется и в «Русской грамматике». В тех случаях, когда названные термины употребляются для обозначения соответствующей науки, вводятся формулировки: «грамматика как наука», «морфология как наука» и т. д.

Как уже сказано, внутри грамматического строя языка морфология, словообразование, синтаксис находятся друг с другом в теснейших взаимоотношениях и связях. В этом ряду относительно большей самостоятельностью обладает словообразование: оно теснее других областей грамматики связано с лексикой. Однако словообразование неотделимо и от морфологии — от внутренних свойств частей речи и от типов словоизменения. Сферами, связывающими словообразование с морфологией, являются также общие законы строения и звуковых изменений словообразующих и формообразующих морфем, т. е. вся область морфемики и морфонологии.

Что касается взаимных связей морфологии и синтаксиса, то эти стороны грамматического

стройка языка настолько тесно слиты, что во многих случаях оказывается возможным отнесение одной и той же грамматической категории и к морфологии, и к синтаксису. Именно так обстоит, например, дело с категорией падежа или с категорией залога. С другой стороны, большинство морфологических категорий кроме собственно формальных признаков характеризуются своим синтаксическим поведением, синтаксическими связями (например, категория рода существительных, категория наклонения глагола и мн. др.). Морфологические категории, при анализе грамматического строя отвлекаемые от словесных связей и отношений, обнаруживают себя только на синтаксическом уровне языка. Синтаксис, в свою очередь, имеет дело с классами и формами слов, с их отношениями и связями.

Из всего сказанного следует, что в грамматике необычайно велика роль с л ó в а как таковой единицы языка, которая несет в себе разнообразные грамматические возможности. Закономерности строения слова и его способности к образованию других лексических единиц стоят в центре словообразования. Слово как носитель морфологических категорий и систем форм стоит в центре морфологии. Синтаксис в той своей части, которая имеет дело со связями слов, целиком опирается на грамматические и лексико-семантические свойства слов; в той же части синтаксиса, центром которой является предложение, формы слова выступают как компоненты предложения, по-разному значимые для его строения. Таким образом, слово, его формы в их отношении к формам других слов либо к целой конструкции предстают как средоточие разных грамматических значений и несет в себе целый комплекс разнонаправленных грамматических свойств.

Другая линия взаимодействия слова как лексической единицы и грамматических законов языка — это вся широкая сфера связей грамматики с лексической семантикой. В области словообразования, морфологии, синтаксических соединений слов, смыслового строения предложения можно назвать очень немного явлений, которые при своих характеристиках не требовали бы указаний на лексические ограничения, на лексико-семантические условия своего образования и функционирования. В одних случаях это — строгие правила, в других — явно выраженные тенденции. Таким образом, лексика, лексический состав языка и его грамматические законы очень часто оказываются слитыми воедино. Грамматика пронизана лексикой, и грамматическое описание не может

быть осуществлено без сопровождающих его лексико-семантических характеристик.

Итак, языковой строй представляет собою сложную систему, внутри которой постоянно и в разных направлениях осуществляются внутрисистемные связи и взаимодействия. Грамматика языка — это не линейная, плоскостная организация, а «система систем». Это качество грамматического строя требует таких методов его изучения и описания, которые способны отразить специфику категорий каждого участка в отдельности и всю сложность исследуемого объекта в целом.

Грамматическая наука изучает грамматические категории, которые всегда представляют собой единство формы и значения. В истории этой науки можно заметить повторяющиеся смены преимущественного интереса исследователей то к формальной, то к значимой стороне грамматических единиц. Исклительное внимание к формам и к их системным связям и отношениям, к самой материи грамматики в какие-то моменты сменяется усиленным интересом к внутренней стороне языкового знака, к тем значениям, которые, будучи отвлекаемы от формальной «оболочки», представляются как бы существующими вне формы и над формой. Описательная грамматика языка традиционно строится так, что в основу классификаций кладутся материальные единицы с их собственным формальным устройством. Однако далее при этом осуществляется многоаспектное описание этих единиц, устанавливаются их языковые значения и функции. При таком подходе может быть обеспечена последовательная и систематическая организация материала, менее реальной оказывается опасность смешения грамматических значений со значениями неязыковыми, с собственно содержательной стороной сообщения. В то же время подход «от формы к значению» ни в коей мере не исключает и других подходов к изучению грамматических объектов; скорее можно сказать, что такой подход подготавливает почву для другого исследовательского шага — «от значения к форме».

В «Русской грамматике» описание строится традиционно — «от формы к значению». Однако характеристики значений грамматических единиц всех уровней составляют неотъемлемую часть этого описания. Хотя значения не положены в основу систематизации и классификации материалов, они рассматриваются как такой объект, который обладает собственным строением и собственными языковыми характеристиками. Соответственно языковые значения грамматических единиц обязательно входят в их

первичные определения, а в ряде случаев становятся предметом описания в специальных главах (так описывается, например, семантика и употребление глагольных времен и видов, семантическое строение предложения).

III

По отношению к высокоразвитому национальному литературному языку в определенный момент его развития норма определяется как такая социально обусловленная и общественно осознанная система правил, которая представляет собою обязательную реализацию языковых законов. Норма — свидетельство зрелости и зрелости языка. Норма регламентируется обществом: носители литературного языка не могут ей не подчиняться. Ни при каких условиях языковая норма не может диктоваться чьей-либо индивидуальной волей, — понимая под этим и волю лингвистов или писателей: норма — это одно из проявлений законов языка, и законы эти существуют объективно. Языковая норма есть категория историческая. В том, что в языке признается нормальным, правильным, отвечающим его законам, всегда присутствуют и явления старые, в высокой степени и исконно стабильные, и явления относительно новые, однако обязательно и только такие, которые отвечают внутренним законам развития языка и отражают эти законы.

Языковая норма общественно обусловлена и общественно осознанна. Она неотделима от общества так же, как неотделим от него и сам язык. Через отношение к норме, через осознание ее члены общества проявляют отношение к своему языку вообще. Владея языком как одной из своих неотъемлемых характеристик и своим движением стимулируя его движение, общество проявляет высокую чувствительность к языковой норме как к показателю своей культуры и своего коллективного интеллекта. Поэтому одновременно с тем, что норма существует объективно, общество предписывает ее своим носителям как категорию обязательную. Нарушения нормы остро воспринимаются обществом, фиксируются им и осуждаются. К нарушениям нормы часто относят и явления новые. В этой оценочной деятельности людей всегда обнаруживаются два вида реакций на те или другие языковые новшества. Это, с одной стороны, реакция тех, чье мышление исторично, кто хорошо знает язык, чувствует и понимает его законы и тенденции его развития; такие оценки, как правило, оказываются верными и объективными; с другой стороны, это реакция тех, чьи

языковые вкусы или обращены к прошлому и пуристичны (в этом случае новое всегда приравнивается к неправильному) или, напротив, невзыскательны и неразборчивы; такие оценки при проверке временем, как правило, оказываются субъективными и неверными. Историей доказано, что нормализаторская деятельность в сфере языка дает положительные результаты только в тех случаях, когда она осторожно и продуманно осуществляется в духе первого рода реакций и оценок.

Как и сам язык, норма претерпевает исторические изменения. В самой норме, внутри, а не вне ее сосуществуют явления устаревающие, уходящие, ограничивающие сферу своего бытования, и явления новые, развивающиеся. И те и другие равно принадлежат с о в р е м е н н о й норме: они распределены в ней между письменной и разговорной речью, окрашены функционально, экспрессивно и стилистически. Этой неоднородностью объясняются постоянные колебания нормы, допустимость взаимодействующих вариантов, которые могут различаться по каким-либо из названных признаков. Наличие таких вариантов, которые нормальны, но употребляются избирательно, — обязательный признак развитого литературного языка с давней и богатой историей. Современный русский литературный язык является именно таким языком.

Нормативным образованиям и употреблением противостоят образования и употребления ненормативные, — такие, которые противоречат языковым законам и правилам. В грамматическом описании фиксируются — в плане запретительных характеристик — наиболее распространенные, часто встречающиеся ошибки.

В основе грамматической нормы лежат образцы, по которым образуются слова, формы слов, конкретные словосочетания и предложения. Эти образцы могут быть п р о д у к т и в н ы м и или н е п р о д у к т и в н ы м и. Продуктивен тот образец, по которому строятся и могут быть построены всё новые и новые конкретные языковые единицы; свидетельством продуктивности того или иного словообразовательного образца служат окказионализмы — индивидуальные новые образования, появляющиеся в речи и нередко потом входящие в словарный состав языка в общем потоке неологизмов; свидетельством продуктивности образца в формообразовании и в синтаксисе служит ничем не ограниченная возможность образования по этому образцу форм слов, конкретных синтаксических построений. По непродуктивным образцам новые единицы не строятся: эти

образцы лежат в основе уже имеющих в языке единиц и выявляются на основе специального анализа их формального строения. Продуктивность может сопровождаться большой степенью регулярности, т. е. высокой частотностью и постоянством соответствующих образований, и может характеризоваться малой степенью регулярности или нерегулярностью; в этих случаях можно говорить о малой продуктивности грамматического образца. Малая продуктивность очень часто свидетельствует о переходе образца в разряд непродуктивных.

Грамматика имеет дело как с продуктивными, так и с непродуктивными образцами: первые относятся к живым, действующим факторам языковой системы, вторые — к ее пассивному составу. В истории языка — прежде всего в области словообразования — бывают периоды, когда по тем или иным причинам отдельные непродуктивные образцы вновь обретают продуктивность; однако явление это — редкое и в целом для развития языка нехарактерное.

В задачу описательной грамматики входит как представление, характеристика и объяснение всех звеньев и участков грамматического строя языка в их взаимных связях и отношениях, так и установление продуктивности и непродуктивности грамматических образцов, регулярности и нерегулярности образований. В сферу грамматического описания включается также вся область взаимных связей грамматики и звукового строя языка, грамматики и лексики, грамматики и общезыковой стилистики.

В специальной лингвистической литературе широко используется противопоставление понятий «языка» и «речи». Под этим чаще всего имеется в виду противопоставление языковой системы как принадлежащих языку строевых возможностей, его законов и правил, а также самих языковых средств — и конкретной реализации этих возможностей и средств в бесконечном количестве ситуаций человеческого общения, в звучании и на письме. Это понимание принято и в «Русской грамматике»: речь противопоставляется языку не как нечто индивидуальное, единичное, а как реальный вид существования языка, его живая и непосредственная реализация. При этом именно в речи зарождаются и проходят проверку на жизнеспособность все те новые явления (слова, их сочетания, возможности их образования, тенденции к изменению форм слов и синтаксических конструкций), которые в дальнейшем или принимаются языковой системой, или отвергаются ею. Таким образом, противопоставление языка и речи есть противопоставление системы

и ее функционирования и в то же время — системы и той живой среды, в которой эта система существует, непрерывно развивается и совершенствуется.

Для понимания грамматического строя языка в определенный момент его развития специфические явления речи могут быть чрезвычайно существенны: единичные, иногда окказиональные образования и употребления часто сигнализируют о живых тенденциях развития, о продуктивности грамматических образцов. Поэтому описательная грамматика фиксирует такие явления в речи и дает им объяснения с точки зрения их отношений к языковой системе.

IV

Современный русский литературный язык существует в двух основных разновидностях: письменной («письменная речь») и разговорной («разговорная речь»). Письменная и разговорная речь, представляя собою две равноправные формы литературного языка, в определенной степени различаются, во-первых, самими языковыми средствами, во-вторых, характером нормы и отношением к норме. Важно, однако, что эти различия проходят в н у т р и литературного языка как единой и целостной системы, — и поэтому в обеих названных разновидностях литературного языка черт сходства, единства во много раз больше, чем черт различия. В то же время эти различия существуют, и характер их таков, что он позволяет говорить о существовании литературного языка именно в двух названных разновидностях, с достаточной определенностью противостоящих друг другу.

Письменную разновидность литературного языка представляют все те произведения, — написанные и пишущиеся, — которые фиксируются в печати (или предназначены для такой фиксации) и специально для этого обрабатываются теми, кто пишет. Это — художественная литература и смежные с ней жанры (о специфике языка художественной литературы и об отражении в ней речи разговорной и просторечия см. ниже), а также то, что обычно называют «книжной речью» — произведения научные, учебные, публицистические, документы деловой, официальной сферы. Внутри письменной речи существуют и другие частные разновидности, характеризующиеся своими индивидуальными языковыми чертами; такие разновидности иногда называют «языковыми жанрами» или «жанрами речи». Так, например, можно говорить о разных жанрах газетной, журнальной речи, о жанрах массового веща-

ния, объявлений, информации и др. Все тексты, представляющие письменную речь, естественно, могут произноситься, звучать. При этом они не утрачивают своей принадлежности к письменной разновидности речи, а представляют ее «устную форму». При устном произнесении в такие тексты (к ним относятся и официальные доклады, выступления, лекции) могут вводиться — и часто вводятся — элементы разговорной литературной речи.

Разговорная разновидность литературного языка предстает в речи его носителей при их непосредственном и непринужденном, неофициальном общении друг с другом. Эта диалогическая или монологическая речь — неподготовленная, специально никак не обрабатываемая, — отличается своими собственными синтаксическими конструкциями, интонацией, своими тенденциями отбора слов и их форм. Из вариантов, которые представляет своим носителям литературный язык в целом, в разговорной речи используются те, которые принадлежат именно ей и отличают ее от речи письменной. Эти варианты очень часто экспрессивно окрашены, обладают выразительными и оценочными возможностями. Это не значит, что письменная речь лишена возможностей экспрессивного выражения; однако по сравнению с разговорной речью эти возможности у нее иные.

Норма существует как в литературной письменной речи, так и в речи разговорной. Нормы письменной речи зафиксированы в грамматиках, в учебных пособиях, специальных справочниках и словарях. Грамматические нормы разговорной речи фиксируются несистематически и случайно, — главным образом, в связи с фиксацией норм письменных и путем противопоставления им. Поэтому разговорная речь часто определяется как некодифицированная. Это не значит, однако, что разговорная литературная речь лишена своих собственных грамматических правил. Этими нигде не записанными правилами интуитивно пользуются все носители русского литературного языка в непосредственном и непринужденном общении друг с другом. По сравнению с письменной речью разговорные нормы проще и в каком-то смысле определеннее: в них меньше грамматических вариантов и, при исключительности предварительного обдумывания и выбора, в типических и повторяющихся речевых ситуациях, особенно при обмене репликами, в диалоге, говорение часто протекает в формах устойчивых речевых стандартов.

Носители литературного языка владеют

обеими его разновидностями и пользуются ими избирательно в зависимости от условий языкового общения.

Средства литературного языка дифференцируются также по своим экспрессивным, выразительным качествам и возможностям. Всем этим создается большая внутренняя расчлененность литературного языка, широкие возможности выбора.

В литературный язык входит также «специальная речь», т. е. такие его ограниченные сферы или участки, которые отражают языковую практику людей отдельных профессий или специальностей. Такая специальная, или профессиональная, речь обычно имеет свои характеристики — прежде всего в области лексики, словообразования и фразеологии, а иногда и в связях слов, в ударении и формообразовании. Однако эти специфические характеристики не противопоставляют специальную речь общей системе литературного языка.

За пределами литературного языка находятся областные диалекты и условные языки (жаргоны).

Особое место в национальном языке занимает просторечие, т. е. звучащая речь тех, кто лишь частично владеет нормами литературного языка. Просторечие представляет собою неоднородную по составу и всегда размытую в своих границах языковую сферу, в которой сложно взаимодействуют нелитературная речь малообразованных городских жителей, областные говоры, отчасти разговорная форма литературного языка, профессиональная речь. Просторечие — особенно в сфере синтаксиса — очень часто не может быть четко отграничено от разговорной формы литературного языка: здесь много общего. Безусловно просторечными являются только те языковые средства, которые или окрашены экспрессией подчеркнутой грубости, или явно и ощутимо противостоят литературной норме, воспринимаются как безусловно неправильные.

Просторечие не закрыто для носителей литературного языка: оно им известно, и они пользуются им в контекстах, экспрессивно или шутивно окрашенных, при живом воспроизведении разных жизненных событий и ситуаций. Просторечие свободно и сознательно вводится писателями в художественную литературу и таким образом приобретает свойства эстетически значимой категории.

Признание разговорной речи, специальной и профессиональной речи, просторечия языковыми сферами, либо входящими в литературный язык (разговорная, специальная речь),

либо граничащими и взаимодействующими с ним (просторечие), не позволяет при изучении и описании грамматического строя языка ограничиться только явлениями речи письменной. Поэтому в «Русской грамматике» отражены и описаны — с соответствующими пометами или развернутыми характеристиками — очень многие явления разговорной и специальной речи, а иногда и просторечия. Все эти явления существуют в языке не, как некие самостоятельные данности, присутствие которых грамматистом может по его собственному усмотрению замечаться или не замечаться. Специфические образования, формы, конструкции, принадлежащие разговорной речи, специальной речи, просторечию, находятся в тесных и сложных связях с равнозначными стилистически нейтральными (или книжными, высокими и т. п.) образованиями, входят с ними в такие функционально-смысловые соотношения (вариативные ряды), которые уже сами по себе, объективно принадлежат языку, сами являются единицами языка. Все такие явления находят отражение в письменности: их невключение в «Грамматику» обеднило бы описание, сделало бы его произвольно односторонним и неполным.

В то же время в «Русской грамматике» были осуществлены некоторые ограничения: в ней не нашли отражения факты речи вульгарной; безусловно исключались все явления речи жаргонной. Не описывались также (это относится прежде всего к синтаксису) такие конструкции разговорной речи, которые не находят отражения ни в каких жанрах письменности, включая даже произведения литературы, сознательно ориентированные на разговорную речь и просторечие. Многие из таких конструкций в последнее время получили интересные лингвистические интерпретации.

В языке художественной литературы и близких к ней жанров письменности (очерки, фельетоны, мемуары, литературно обработанные дневниковые записи и др.) сложно взаимодействуют письменная и разговорная речь, специальная речь, просторечие. Все они в той или иной степени находят в художественной литературе свое отражение и сливаются в сложное эстетически значимое единство, несущее на себе, к тому же, яркую печать индивидуального писательского мастерства и вкуса. В то же время крупные национальные писатели — это те носители литературного языка, которые знают и чувствуют его лучше других. Именно под их пером прежде всего осуществляется отбор языковых средств из общенациональ-

ного языка в язык литературный, проверка этих средств на жизнеспособность, точность и выразительность. Поэтому язык художественной литературы, ее классиков, лучших национальных прозаиков и поэтов должен быть признан важнейшим источником для изучения литературного языка.

Описание грамматического строя современного русского литературного языка необходимо должно сопровождаться такими характеристиками форм, способов образования слов, синтаксических конструкций, которые показывают их стилистическую, жанровую, функциональную прикреплённость. Поэтому в грамматику, так же, как и в толковые словари, вводятся такие специальные пометы и характеристики, как «разговорное», «просторечное», «в письменной речи», «в книжной речи», «в художественной литературе», «в поэзии», «в высокой речи», «в публицистике», «в специальной» или «профессиональной речи», а также такие экспрессивно-оценочные пометы, как «шутливое», «ироническое», «неодобрительное», «грубое» и под. Те формы и конструкции, которые вышли или выходят из употребления, характеризуются как «старые», «устарелые» или «устаревающие», те, которые возникли недавно и активно развиваются, — как «новые». Такие характеристики называются стилистическими пометами. Принадлежность того или иного явления к разговорной или специальной речи, его экспрессивная окрашенность, его новизна или, наоборот, тенденция к ограничению в употреблении не выводят это явление за пределы современного литературного языка.

В современной грамматической науке — отечественной и зарубежной — применяются самые различные способы описания грамматического строя языка. В этих описаниях реализуются разные, очень несходные концепции, испытываются разнообразные приемы и методы. Такое обилие концепций и методов — явление само по себе положительное: оно позволяет рассмотреть языковые категории и их связи с разных точек зрения, с разных позиций, и увидеть то, что ранее часто оставалось незамеченным. Сама природа языка допускает такие разнообразные, часто взаимоисключающие исследовательские подходы. Авторы «Русской грамматики» знают, что наряду с их концепциями и с избранным ими способом описания могут и должны существовать и развиваться другие концепции и другие способы; важно только, чтобы при этом преследовались цели адекватного отражения языкового состояния и непротиворечивости описания.

ФОНЕТИКА. ФОНОЛОГИЯ.

ОСНОВНЫЕ СВЕДЕНИЯ ОБ УДАРЕНИИ.

ИНТОНАЦИЯ

ФОНЕТИКА

ПРЕДМЕТ ФОНЕТИКИ

§ 1. Фонетика — раздел языкознания, изучающий звуки в потоке речи, их сочетаемость и их позиционные изменения.

В основе описательной фонетики может лежать как акустическая характеристика звуков речи, так и артикуляторная. С акустической точки зрения звуки речи характеризуются следующими признаками: высотой, силой, тембром и длительностью. Высота звука зависит от количества колебаний голосовых связок, выражаемого в герцах в сек.: чем больше герц в сек., тем выше звук. Сила звука, или интенсивность, зависит от амплитуды колебаний голосовых связок. Сила звука измеряется в децибелах. Тембр звука зависит от совокупности основного тона и обертонов. Длительность звука зависит от количества времени, расходуемого на произнесение звука. Длительность звука связана с темпом речи. Чем быстрее темп, тем меньше длительность звука и наоборот, чем медленнее темп, тем больше длительность звука.

Артикуляторная характеристика звуков основана на различиях в движении органов речи (см. § 6).

Как акустические, так и артикуляторные характеристики основываются на результатах, полученных с помощью экспериментально-фонетических методов.

Среди экспериментально-фонетических методов выделяются акустические и соматические. К акустическим методам, с помощью которых изучаются различные акустические свойства звуков, относятся, например, спектрографический и осциллографический. К соматическим методам, в основе которых лежит регистрация движений органов речи, относятся, например, рентгенографический.

В «Русской грамматике» при описании интонации используются акустические характеристики звуков речи, а в фонетическом описании — их артикуляторные характеристики. При описании артикуляции звуков приводятся рентгенограммы (см. рис. 1—15 в § 9—10, 15—17). В «Фонетике» дается также описание сочетаний звуков в словоформах, в разных позициях по отношению к морфемной структуре словоформ. Это описание позволяет выявить возможности и ограничения сочетаемости звуков в словоформах с точки зрения фонетики и морфемного состава.

Речевой поток представляет собой непрерывную линейную последовательность звуков. Звук является минимальной незначимой единицей речевого потока. Звук выступает в речи нерасчлененно, как единое целое; из него нельзя выделить отдельные элементы произношения (артикуляции). Так, например, можно произнести один за другим звуки, составляющие слово *моль*, но нельзя произнести отдельно мягкость звука [л'] или лабиализованность (огубленность) звука [о].

Примечание 1. Здесь и везде далее звуки и их сочетания в пределах словоформ заключаются в квадратные скобки [] (например, [с'т'ѐп']), а фонемы (см. § 116) и их сочетания в пределах словоформ — в две вертикальные черты || (например, || сз'т'ѐп'₂ ||).

Примечание 2. Выделение отдельных звуков является в известной мере огрубленным, так как в потоке речи звуки следуют непосредственно один за другим, изменяясь в зависимости от качества предшествующего или последующего звука.

Сам по себе звук не обладает языковым значением, но косвенно он связан со значением: из звуков состоят значимые единицы, которые могут, в частности, состоять и из одного звука. Например, в русском языке звук [и] в пределах словоформы может быть морфем (см. § 174), несущим определенное значение: в словоформе *кони* и — флексия им. п. мн. ч., в словоформе (*е*) *пути* — это флексия предл. п. ед. ч., в словоформе *рукѣ* — флексия род. п. ед. ч., в словоформе *зовѣ* — флексия повелительного наклонения. При линейном звуковом членении, например, в словоформе *рукѣ* выделяются четыре звука: [рук'и], не связанные каждый в отдельности ни с каким значением

а при членении этой же словоформы на морфы выделяются две значимые звуковые последовательности, два морфа: [рук'-и].

Словоформы могут состоять из одного, двух и более звуков. Так, словоформы (предлоги) *с, о, в* состоят из одного звука, *ад, на, по* — из двух, *под, при, раз* — из трех, *ворс, порт, кость* — из четырех, *караван, сарафан* — из семи звуков.

ФОНЕТИЧЕСКАЯ ТРАНСКРИПЦИЯ

§ 2. Устная, звучащая речь, являющаяся объектом изучения фонетики, отличается от письменной речи, которая фиксирует звучащую речь в буквенных обозначениях. Звук произносится, а буква пишется. Одной и той же буквой могут передаваться разные звуки; например, в слове *ро́за* буквой *о* передается звук [о], а в слове *го́ра* той же буквой передается звук [а] (см. § 25). С другой стороны, один и тот же звук может передаваться разными буквами. Например, звук [т] в конце слова передается буквами *т* и *д*: фонетически [кот] — орфографически *кот* и *код*; фонетически [рот] — орфографически *род* и *рот*. Количество букв в слове не всегда соответствует количеству звуков. Так, например, в слове *ма́ть* четыре буквы, но три звука: [м], [а'], [т']; в слове *е́ж* две буквы, но три звука: [ж], [о], [ш].

Для передачи звучащей речи на письме используется особая запись, отличная от орфографической. Такая запись называется **фонетической транскрипцией** — это запись звуков речи с учетом их позиционных изменений в речевом потоке (см. § 23—32). В транскрипции используются буквы русского алфавита, за исключением [j], а также особого знака [л], см. § 4. Характерной особенностью фонетической транскрипции является использование диакритических (надстрочных и подстрочных) знаков. Транскрибируемые слова или отдельные их части, а также отдельные звуки заключаются в прямые скобки. В транскрибируемых словах обозначается ударение.

§ 3. Для записи согласных звуков используются буквы *п, б, т, д, с, з, в, ф, к, г, х, ж, ш, ц, ч, л, м, н, р, j*. Кроме того, употребляются следующие диакритические знаки: запятая сверху справа от буквы (*п'*); горизонтальная черта над буквой (*н̄*); крышечка под буквой (*м̣*); дужка над буквенным сочетанием (*дз̆*), а также буквы слева над строкой (*т̣ц̣*; *т̣ч̣*).

Звуки делятся на гласные и согласные. При произнесении согласных струя воздуха встречает преграду, образующуюся в результате смыкания (полного или частичного) органов речи (см. § 6). При произнесении же гласных струя воздуха не встречает никакой преграды, воздух свободно проходит через органы речи.

Запятая сверху справа от буквы, обозначающей согласный звук, означает мягкость согласного; например [п']: [п'ел], [с']: [с'ел], [в']: [в'е]ра.

Горизонтальная черта над буквой, обозначающей согласный звук, означает долготу согласного; например [н̄]: ва́[н̄]а (орфогр. *ванна*), [ш̄]: [ш̄ыт] (орфогр. *шит*), [ж̄]: [ж̄ат] (орфогр. *сжат*).

Крышечка под буквами, обозначающими согласные [м], [н], [л], [р], означает их оглушение в конце слова после глухих согласных или перед глухими согласными; например [м̣]: дра́[м̣], [д̣]: по́[д̣]к̣.

Дужка над буквенным сочетанием означает слитно произносимый звук, обозначенный этим сочетанием; например [дз̆]: о́те[дз̆]б̣ы (орфогр. *отец бы*), [дӂ]: до́[дӂ]б̣ы (орфогр. *дочь бы*).

Буква слева над строкой означает долгий затвор, т. е. задержку артикуляции согласного перед взрывом; например [т̣ц̣]: о́[т̣ц̣]е́н̄ӣть.

Мягкость долгого затвора обозначается таким же образом, как и мягкость согласного; например [т̣ч̣]: о́[т̣ч̣]и́сл̄ӣть.

§ 4. Для записи гласных звуков используются буквы *а, о, у, и, ы, е, э, ъ, ь*, а также особый знак *л*. Буквы *ы, э* употребляются для обозначения звуков [ы], [э], которые произносятся в позиции под ударением после твердого согласного (включая [ш], [ж], [ц]): [ты́]л, [шы́]л (орфогр. *шил*), [жы́]л (орфогр. *жил*), [цы́]л; [дэ́]ка, [шэ́]рст̣ь, [жэ́]рд̣ь, [цэ́]л. Буквы *ъ* (ер), *у* (ерь) употребляются для обозначения редуцированных (ослабленных) звуков (см. § 26—27), произносимых во втором, третьем предударных и в заударных слогах: после твердого — [ъ] (например, л[ъ]бо́во̣й, но́[ъ]с̣ьду́, орфогр. *по саду*), после мягкого — [у] (например, л[у]со́во̣д̣, но́[у]л̣ьсу́). Знак *л* употребляется для обозначения звука [л], который произносится в первом предударном слоге после твердого согласного или в абсолютном начале слова во втором